

С. В. Ракитина

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЮРИДИЧЕСКИХ УЧЕБНО-НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Интертекстуальность, понимаемая как взаимодействие текстов, средство текстообразования, является свойством любого текста. В данной статье рассматривается реализация указанного свойства в предназначенном для обучения учебно-научном юридическом тексте, выступающем как продукт разновидности институционального дискурса. На примерах из профильных учебных пособий доказывается необходимость для получения полноценного нового знания апеллирования к источникам в виде цитирования, ссылок, сносок, прецедентных текстов, прецедентных имен. Автором также подчеркивается способствование интертекстуальности через расширение смыслового поля текста, обеспечение дополнительной информацией обогащению сознания обучаемого.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, учебно-научный юридический текст, маркеры интертекстуальности.

S. V. Rakitina

INTERTEXTUALITY IN THE LEGAL EDUCATIONAL — SCIENTIFIC TEXTS

Intertextuality is the combination of several texts and the facilities of formation of the text. The intertextuality is the characteristic of any text. There is description of the representation of this characteristic which is intended for training of educational-scientific text in this article. This text is the product of institutional discourse. The examples from the profile educational books demonstrate that it is necessary to appeal to quotations, references, footnotes, precedent texts, precedent names for getting new knowledge. The intertextuality is the way for enrichment of the pupil's consciousness thanks to broadening of the text's meaning and extra information.

Keywords: intertextuality, intertext, the legal educational — scientific text, indicator of intertextuality.

Основной единицей обучения студентов, в том числе и юридических специальностей, является учебно-научный текст, который характеризуется содержательным единством, представляет собой образец литературы определенного профильного характера, выступает базой формирования речевых навыков и умений, необходимых для понимания заложенной в них информации, средством управления познавательной деятельностью обучаемых, развития их креативных качеств.

Одним из факторов, обеспечивающих получение полноценного нового знания из таких текстов, выступает интертекстуальность, способствующая расширению смыслового поля текста, обогащению сознания обучаемого дополнительной информацией.

Термин «интертекстуальность», как известно, был предложен французским литературоведом и семиотиком Ю. Кристевой, которая, определяя его,

писала, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [7, с. 99]. Данное понятие получило широкое распространение в современной лингвистике, в том числе и в стилистике текста [2; 6; 8; 11 и др.]. Под интертекстуальностью понимается свойство текста, предполагающее апеллирование к ранее полученным знаниям, «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или не маркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [2, с. 346]. В интертекстуальности отображается текстообразующая деятельность автора, соотносимая с его научной картиной мира, когда, как отмечает В. Е. Чернявская, «один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой» [11, с. 49].

Интертекстуальность, понимаемая как

взаимодействие текстов, «текст в тексте» [8], исходит из разработанной М. М. Бахтиным теории диалогичности, согласно которой представляет собой диалог «своей» и «чужой» речи, связывающий в единое смысловое целое тексты разных авторов. Справедливо в этом отношении замечание ученого о том, что «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом»: всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте. Этапы этого движения: «исходная точка — данный текст, движение назад — прошлые контексты, движение вперед — предвосхищение (и начало) будущего контекста» [4, с. 207]. Бахтинский диалогизм, по замечанию Ю. Кристевой, «выявляет в письме не только субъективное, но и коммуникативное, <...> интертекстуальное начало» [7, с. 102].

Интертекстуальность как средство текстообразования является свойством любого текста, поскольку он «соткан из цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры (а какой язык не является таковым?), старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию» [3, с. 418].

Особенно необходимо учитывать интертекстуальные связи в отличающемся динамичностью институциональном дискурсе. Поскольку текст, предназначенный для обучения, выступает продуктом учебно-научного дискурса как разновидности институционального, то характеризующая его интертекстуальность более востребована. Это связано с тем, что в учебно-научных текстах находит реализацию длительный процесс исследовательского отбора, обобщения предшествующего знания и формирования нового, установление когнитивных связей между концептами в концептосфере текстов одной или различных областей знания, апеллирование к другим подобному рода системам.

В отличие от интертекстуальности как свойства текста, интертекст с позиций когнитивно-дискурсивного подхода рассматривается нами как результат умственной деятельности автора, намеренно актуализирующего в тексте соотношение своей и чужой смысловых позиций.

Источниками интертекстов в проанализированных учебных пособиях для студентов юридических вузов служат:

— законодательные тексты (международно-пра-

вовые акты; Конституция РФ; уголовно-процессуальный кодекс; законодательные акты и др.);

— монографии, статьи ученых-юристов о правовом регулировании, теории государства и права и др.;

— произведения русской и зарубежной литературы.

Интертекстуальность реализуется в юридических текстах с помощью специальных маркеров, помогающих установить границы «своего» и «чужого» знания, к которым относятся прецедентные тексты, цитирование, сноски, ссылки. Специфика интертекстуальности юридических учебно-научных материалов в большей мере состоит в обращении к законодательным текстам и наличии ссылок на них.

Основным средством связи авторского и вводимого текстов в учебно-научной сфере является цитирование, которое, формируя «двойной» контекст текста («ближайший» (текст в тексте) и отдаленный (текст-основа)) воспринимается как определенная часть иного текста, объединяющая его с настоящим текстом» [1, с. 143]. В рассмотренных нами учебниках для студентов юридических специальностей активно используются цитаты из законодательных текстов (Гражданского процессуального кодекса РФ, Жилищного кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, законов о мировых судьях, прокуратуре, статусе судей, судебных приставах и т. д.) [5], представляющие собой интерпретацию отдельных их фрагментов, которые не ограниченных кавычками и имеющих указание на источник. В качестве аргументативного средства используется прямое и косвенное цитирование: *«Чтобы поставить процесс оценки под контроль сознания, необходимо прежде всего ознакомиться с общей схемой восприятия человека по внешним признакам и разобраться в деталях. На это в свое время указывал великий русский физиолог И. М. Сеченов. “Психологическая деятельность человека, — говорил он, — выражается, как известно, внешними признаками, и обыкновенно все люди, и простые, и ученые, и натуралисты, и люди, занимающиеся духом, судят о первой по последним, то есть по внешним признакам”»* [12, с. 101—102]; *«Известный русский педагог П. Ф. Лесгафт утверждал, что человек, который не подвергался никаким сильным ощущениям, имеет свежее лицо <...> По лицу*

можно определить национальный тип, тип интеллигента, тип чиновника, военного, купца, крестьянина, лакея. На лице военного обыкновенно видно выражение самоуверенности, готовность действовать, то есть производить движения соответственно получаемым впечатлениям (например, у подчиненных), или явные признаки высокомерия (например, у начальствующих)» [12, с. 102—103]. «Определяя различие между наблюдением и экспериментом, И. П. Павлов писал, что опыт как бы берет явление в свои руки и пускает в ход то одно, то другое и, таким образом, в искусственных, упрощенных комбинациях определяет истинную связь между явлениями» [12, с. 95].

Включение цитат в учебно-научные тексты можно рассматривать как диалог автора, представляющего новое знание, в данном случае с учеными, из чьих работ даются сведения, принадлежащие другим областям науки, что способствует расширению представления адресата об изучаемом объекте, обеспечивает эффективность и оптимизацию познавательного процесса.

Интертекстуальность тесно связана с прецедентными феноменами (прецедентными текстами, именами, высказываниями, знаниями). При цитировании обычно указывается прецедентное имя ученого, содержание трудов которого актуализируется за счет общих ассоциативных и оценочных признаков при употреблении его адресантом и восприятии адресатом. В приведенных выше примерах представлены прецедентные имена И. М. Сеченова, П. Ф. Лесгафта, И. П. Павлова, использующиеся для авторитетного подтверждения высказанной в пособии точки зрения.

Вместе с тем авторы учебных материалов для юристов часто обращаются к *прецедентным именам различных деятелей искусства*. Так, при рассмотрении методов оценки личности в оперативно-разыскной деятельности слушателям юридических вузов рекомендуется ознакомиться с методикой известного театрального режиссера, актера, педагога, реформатора театра К. С. Станиславского: «Сотрудник, вступая в контакт с объектом наблюдения, в большинстве случаев сам старается скрыть свои истинные намерения и переживания. Как правило, он маскирует их отвлекающими жестами и формирует соответствующую маску лица

(радость, горе и т. д.). Но, как видно, это притворство трудно утаить от внимательного наблюдателя. Помочь в этом утаивании может специальная тренировка. Ее методику можно найти в работах К. С. Станиславского» [12, с. 91].

Акцентирование на профессиональной направленности в использовании *прецедентных имен героев известных произведений русских классиков*, рассматривающих проблему преступления и наказания в литературе, способствует более глубокому проникновению будущих юристов в психологический мир человека, помогает понять, к примеру, сложную психологическую борьбу Родиона Раскольникова, вскрыть причины, побудившие его к совершению преступления, проследить путь духовного возрождения; дает возможность определить логику расследования Порфирия Петровича, для которого дело следователя — «в своем роде искусство», разобраться в его умозаключениях [9, с. 20 — 41]. Прецедентные имена персонажей художественных произведений проецируют в сознании адресата имена авторов и сами прецедентные тексты. Так, автор пособия по оперативно-разыскной деятельности, раскрывая суть приема «создание образа «простака» в процессе изложения психологических основ получения интересующей информации, замечает, что «в каждой стране есть свой знаменитый детектив, которому под силу распутать любое преступление. У англичан это Шерлок Шолмс, у американцев — Пинкертон, у французов — комиссар Мегрэ» [12, с. 79]. Прецедентные имена известных сыщиков актуализируют в сознании адресата произведения английского писателя Артура Конан Дойля, французского писателя Ж. Сименона, американские рассказы о знаменитом сыщике Н. Пинкертоне, которые являются также прецедентными, «значимыми для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющими сверхличностный характер, т. е. хорошо известными и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и наконец такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6, с. 216]. Приведенный пример демонстрирует возможность представления прецедентного текста с помощью ассоциаций через имя персонажа.

В качестве примеров таких текстов из учебных

пособий для юристов, кроме специальных законодательных материалов, уже известных обучаемым, можно привести произведения художественной литературы, рассматривающие проблему преступления и наказания. Это, например, романы Ф. М. Достоевского, в которых писатель заставляет будущих специалистов в области юриспруденции задуматься о последствиях наказания не только применительно к наказуемым, но и наказываемым («Записки из Мертвого дома») [9, с. 10—20], расширяет юридическую картину мира, уясняя различные стороны уголовного расследования («Преступление и наказание») [9, с. 20—41], представляя «систему российского судопроизводства второй половины XIX века» («Братья Карамазовы») [9, с. 47—61] и др.

Использование прецедентных текстов в речи является одним из факторов, свидетельствующих об эрудиции юриста, который должен не только глубоко знать материал, но и оказывать психологическое воздействие, чему способствуют эмоциональность, экспрессивность, вызываемые как самим содержанием речи, за которым стоят человеческие судьбы, так и прецедентными феноменами, помогающими усилить ее аргументированность, акцентировать нужную мысль.

Важное место в учебно-научных текстах занимает такой вид маркера интертекстуальности, как подстрочные ссылки, предназначенные для пояснения или дополнения основного текста, дающие обучаемому информацию об авторе, названии, времени издания текста, на который ссылается адресант при изложении предназначенной для изучения темы. Так, авторы учебника «Трудовое право» [10] в подстрочных сносках представляют выходные данные монографий [10, с. 7—10, 18, 35, 39, 60, 62, 67, 123 и др.], статей в научных изданиях [10, с. 11] и периодической печати [10, с. 61, 69, 70, 116, 117 и др.], учебных пособий по общей теории государства и права, трудовому праву [10, с. 12—14, 16, 18, 30—32], указания на Федеральные законы [10, с. 26, 42—44, 48—53, 61, 64—70, 77, 106, 132, 136, 141 и др.], межотраслевые правила, инструкции, постановления правительства РФ [10, с. 103, 129, 140, 166—168 и т. д.]. Тем самым ссылки выполняют рекомендательную функцию, ориентируя обучаемого на источник, с которым необходимо ознакомиться с целью расширения информации по изучаемой теме.

Интертекстуальность как свойство учебно-научных юридических материалов подчеркивают также сноски, представляющие собой, в отличие от ссылок, подстрочные примечания, цель которых дать знания, погрузить будущих юристов в логику изучаемого материала, обеспечить понимание его сути, приводимых доводов, аргументов.

Так, в проанализированных нами текстах сноски содержат:

— попутные замечания автора: *«непонятна логика законодателя: почему общее собрание (конференция) не может сформировать представительный орган?»* [10, с. 46]; *«очевидно, сюда следует отнести: сведения о фактах, событиях, обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях...»* [10, с. 52]; *«... к сожалению, не все регионы издали нормативные правовые акты об установлении величины прожиточного минимума ...»* [10, с. 73]; *«очевидно, в трудовой договор следует включать только те права и обязанности сторон, которые дополняют, уточняют и конкретизируют права и обязанности работника и работодателя, установленные ...»* [10, с. 83];

— пояснения к основному тексту: *«В коллективные договоры нередко включаются условия, противоречащие действующему законодательству и ухудшающие положение работников, в частности, предусматривающие возможность задержки выплаты заработной платы, применения ...»* [10, с. 55]; *«В отдельных регионах величина прожиточного минимума трудоспособного населения за III квартал 2001 года колебалась от ...»* [10, с. 73]; *«К нему относят: действия, соответствующие современным знаниям и опыту; случаи, когда поставленная цель не могла быть достигнута иначе; ситуации, когда приняты меры для ...; действия, когда объектом риска выступают...»* [10, с. 191];

— сведения, расширяющие представление обучаемого о рассматриваемых вопросах, включающие вместе с комментариями информацию об их источнике: *«См.: О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров: Постановление Пленума*

Верховного суда Российской Федерации от...» [10, с. 95]; «См.: Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 12 февраля 1987 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. 1987. № 14. Ст. 55. Доплата за работу в ночное время была предусмотрена в размере 40 % часовой тарифной ставки, оклада. Такой размер доплаты должен рассматриваться как минимальный в настоящее время» [10, с. 140]; «См.: Перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей: Постановление Совета Министров СССР от // Сборник Постановлений Правительства СССР. 1967. № 29. С. 203; Там же. 1983. № 5. Ст. 21» [10, с. 196]; «См.: Об утверждении Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин: Постановление Правительства // Бюллетень Минтруда России 2000. № 3; О новых нормах.....: Постановление Совета Министров ... // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 7. Ст. 566» [10, с. 198];

— уточнение излагаемых положений: «Нормированием труда является установление меры труда, а мера за вознаграждение этого труда — заработной платой» [10, с. 143], «Эта группа норм является не отраслевой, а комплексной. В отличие от всех других, составляющих институт охраны труда, указанные нормы также входят в институты других отраслей права: санкции, предусмотренные за соответствующие правонарушения, содержатся не только в трудовом, но и в административном уголовном праве» [10, с. 164]; «Под ней понимается чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях событие, например,» [10, с. 191]; «Это не военнослужащие, а граждане, работающие по трудовому договору» [10, с. 197];

— акцентирование внимания автора на понимании отдельных положений закона: «Поэтому неправы те авторы, которые именуют эту обязанность материальной ответственностью работодателя. См., например: Толкунова В. Н. Трудовое право. Курс лекций. М., 2002. С. 244—247» [10, с. 182], «На практике доказать умышленный характер причинения ущерба очень сложно, поэтому полная материальная ответственность по данному основанию применяется редко» [10, с. 193].

Акцентирование внимания преподавателя на интертекстуальных связях в учебно-научных текстах способствует формированию грамотного читателя с развитыми навыками культуры чтения, с вдумчивым, бережным отношением к чужому слову.

Список библиографических ссылок

1. Аликаев Р. С., Карчаева С. Х. Дискурсивность научной монографии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2010. № 1. С. 143—152.
 2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. СПб., 1999.
 3. Барт Р. От произведения к тексту // Избр. раб. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
 4. Бахтин М. М. К методологии литературоведения. In., 1974. М., 1975. С. 206, 207.
 5. Гражданский процесс: учебник / под ред. П. М. Филиппова. Волгоград, 2012.
 6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
 7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 1995. № 1.
 8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
 9. Прокурова Н. С. Вопросы права и психологии в русской литературе: к курсу «Русский язык. Культура речи»: учеб. пособие. Волгоград, 2004.
 10. Трудовое право: учебник / под ред. С. Б. Цветкова. Волгоград, 2002.
 11. Чернявская В. Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст — Дискурс — Стиль: сб. науч. ст. СПб, 2004. С. 33—41.
 12. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-разыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. М., 2006.
- © Ракитина С. В., 2014